

10. Тихонов В.В. Историко-культурный потенциал Предбайкалья. — Иркутск, 2013. — 367 с.

11. Тихонов В. В. Перспективы музеефикации комплекса святителя Иннокентия Вениаминова в селе Анга // Святитель Иннокентий Вениаминов — миссионер, исследователь, просветитель. — Иркутск, 2014. — С. 137–140.

УДК 271.2(571.54+571.6)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-32-38

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ТРАНСАЗИАТСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

© **Светлана Владимировна Васильева**

доктор исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

В представленной статье история старообрядчества Забайкалья и Дальнего Востока России рассматривается как неотъемлемая составляющая социально-политической жизни китайского Трехречья в первой половине XX в. Автор утверждает, что структурно-функциональные позиции религиозного пространства Забайкалья, Монголии и Китая в указанный период повлияли на формирование церковно-административного устройства старообрядческих митрополий. Особое внимание уделяется вопросу организации внутриконтрессииональной жизни старообрядческих приходов на территории Маньчжурии и приграничных территорий. На уникальных архивных материалах представлен яркий пример служения священному долгу первых иерархов, окормлявших огромные территории Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархий в сложный политический период истории.

Ключевые слова: древлеправославие, церковно-административное деление, Иркутско-Амурская епархия, епархиальный совет, Харбин, епископ Иосиф, Амвросий Федотов.

OLD BELIEVERS' CLERGY IN THE CONTEXT OF TRANS-ASIAN FRONTIER

Svetlana Vasilieva

Doctor of historical sciences, Associate professor, Buryat State University

In the article the history of old believers of Transbaikalia and Far East are viewed as integral part of socio-political life of North-East China in the first half of XX century. The author states that structural-functional position of religious expansion of Transbaikalia, Mongolia and China in mentioned period has affected formation of old believers' church administrative arrangement. Special attention is given to inner confessional life of old believers ward in Manchuria and its borders. Based on unique archive documents the author gives shining example of dedication to bounden duty of first hierarchs assigned to vast territories of Irkutsk-Amursk and Far Eastern eparchy in a complicated period of political history.

Keywords: old believers, church administrative division, Irkutsk-Amursk eparchy, diocesan council, Harbin, bishop Joseph, Amvrosy Fedotov.

Огромные территории Сибири и Дальнего Востока России, на которых проживала большая часть старообрядцев, требовали архипастырского окормления. Древлеправославные общины окраин России обратились с ходатайством к Освященному собору церкви об открытии и учреждении епископской кафедры. Просьба была удовлетворена. В августе 1911 г. решением Освященного собора Древлеправославной церкви была создана Иркутско-Амурская, Забайкальская и всего Дальнего Востока епархия. С момента образования в ее состав входили старообрядческие приходы Иркутской, Забайкальской, Якутской, Амурской областей и всего Дальнего Востока, а также те пределы Маньчжурии, которые входили в административный округ епархии, — Харбин, Хайлар, Верхние Кули.

14 декабря 1911 г. первым епископом Иркутским и Амурским был рукоположен о. Иосиф (в миру Иаков Исаевич Антипин). Хиротония в епископа Иркутско-Амурского, преосвященного Иосифа состоялась в Москве на Рогожском кладбище 18 декабря 1911 г. Совершили ее московский архиепископ Иоанн и рязанский епископ Александр. Первоначально предполагалось, что владыка изберет для своей резиденции г. Иркутск. Но дальневосточные общины настояли на том, чтобы он жил в Амурской области. В результате местом жительства епископа было избрано с. Бардагон, расположенное на р. Зее Амурской области.

Владыка Иосиф зарекомендовал себя ревностным и энергичным епископом. Под его руководством продолжили работу ежегодные съезды старообрядцев, получив статус епархиальных съездов. По всей епархии строились храмы.

Изменения, принесенные революцией, старообрядцы приняли по-разному. Епископ Иосиф не принял советскую власть. В 1920 г. с «волной беженства» он прибыл в г. Харбин и окончательно в нем обосновался. В этот город эмигрировали многие старообрядцы. Для оказавшихся на чужбине христиан епископ Иосиф стал и епископом, и священником, и общественным деятелем.

Старообрядцы китайского Трехречья, до того времени разделенные и проживавшие за границей, стали собираться вокруг епископа. Первые службы преосвященный Иосиф проводил в различных местах: «... в палатке в саду русско-китайского суда (на Участковой улице), в торговых «Московских рядах», среди китайских фанз, в Нахаловке, в Корпусном городке» [13, с. 14].

Владыка возглавил единоверцев и энергично взялся за налаживание религиозной жизни. В своих письмах он указывал: «... относительно же проведения постановлений от общин на местах... ведь во многих приходах нашей епархии нет ни Совета и нет попечительства, а что-то такое неопределенное... и мы не в силах что-либо с Вами сделать, (...) покуда не будет у нас проведена централизация церковно-общественной власти, до тех пор мы обречены на прозябание и вина эта ни в ком другом, а именно в нас. Пора давно уже нам исправиться и войти в законное русло» [7]. Так, благодаря его ак-

тивной деятельности в Харбине 20 июня 1926 г. был создан епархиальный совет. В его состав, помимо председателя (самого владыки), вошли заместитель (протоиерей Иоанн Кудрин), два члена (священник Иоанн Старосадачев и прихожанин К. А. Семенов), а также секретарь (Т. А. Чернышов). В письме Амвросию в с. Тарбагатай из Харбина владыка писал: «... посылаю тебе «Положение о Епархиальном Совете» и «Указ» о назначении Совета, прочти все это и напиши мне свои замечания на все, скажи всю правду, ведь я тоже человек со всеми присущими человечеству слабостями и недостатками. Ты сам знаешь: человек от человека учим бывает, а Бог разум подает. И так ты отчете, скажи свое слово и принеси свой камешек в здание общей нашей матери-Церкви» [3].

В Советской России в этот период религиозные организации стали рассматриваться как враждебные, контрреволюционные организации, а духовенство — как сторонник классово чуждой идеологии. Об этом сложном для церкви в России периоде рассказывал в своих письмах владыке Иосифу о. Амвросий Федотов: «... жизнь, Владыка, наступила полна скорбей, сильно ополчается воинствующий противник на св. церковь христову и ее священнослужителей. Все уголки наводнили своей антихристовой литературой, чем многих слабоумных заразили, в особенности юношество. Увы! Увы! Храмы Божьи национализируются, согласно декрету переходят в государство, хотя и сдают их верующим по договору, с тем условием, чтобы зарегистрировать их устав, который обязывает отречься: первое — от церковного достоинства, второе — не вести проповеди безбожества. Хотя у нас это еще не проведено в жизнь в Прибайкалье, пока еще стоим, боремся. И просим всевышних защитить свое достоинство. Но есть примеры: кто сдает государству церковь и ее имущество, и признает их декрет, того не преследуют. Над несогласными принимаются репрессивные меры, главарей, т. е. виновников этому, строго наказывать от 3-х лет и выше принудительных работ. Что относительно нравственности прихожан, то пока благодаря господу большого упадка нет. Коммунист есть только один в нашем селе, да кроме того есть из молодых, 3-е борода бреют и бранятся» [10].

В ответном письме от 8 декабря 1924 г. епископ Иосиф делился с Амвросием своими печалью по поводу невозможности помочь своим единоверцам в России. Он пишет: «...не могу поехать по епархии, т. к. я все-таки живу за границей, на это нужно употреблять большие хлопоты (...) правительственная власть разрешит или нет.. да и вдобавок потребуются на это большие расходы, у меня таковых не имеется, (...), а если Богу будет угодно и наша жизнь немного поправится, тогда я по прямой своей обязанности с Божью помощью все, что потребуется, все исправлю и в порядок приведу, а сейчас ты (о. Амвросий. — С. В.) насколько можешь старайся, учи христиан благо временно и безвременно и обращай заблудших овец к стаду христову, и не отчаивайся» [4].

О своих проблемах ему сообщали староверы из Якутска: «...церковь наша пока Вашими молитвами цела, не воевана, Господь хранит, нам бы хоть под видом пролетария улучшить священника, повенчать, довершить... мне было велено написать заявление в Павловский свой сельсовет, где я

пояснял сущность старообрядчества и существование нас и нашей церкви в Якутске, которая прошла все судебные до высших политических государственных учреждений, где рассматривалось все от точки до точки, но вреда не принесло, а немного задержало натиск на наше религиозное разрушение» [11].

Несмотря на все сложности, епископ Иосиф продолжал вести церковную работу в Харбине. Благодаря его деятельности в Харбине был построен первый старообрядческий храм Св. апостола Петра и Павла: «...постройка эта уже была произведена вчерне, когда средства у прихода закончились и источника для их появления не стало. Тогда преосвященный Иосиф все свои сбережения отдал на окончание постройки храма. С весны 1925 г. он целые дни проводил на строительстве и даже ночевал там, в сторожке, вплоть до окончания строительства и обустройства нового храма.... Огромная духовная радость охватила владыку, когда он освящал храм» [3].

Построив и освятив храм, немного пожил преосвященный Иосиф. Владыка умер 4 января 1927 г. и был похоронен возле алтарной стены созданного им храма в г. Харбине.

После его смерти в старообрядческих общинах и приходах Забайкалья, Читинской, Амурской областей и Приморского края начались поиски кандидата на пост епископа. Со всех приходов Восточной Сибири и Дальнего Востока в Москву пошли письма с прошениями об избрании своего активного земляка. Миряне Забайкалья и Дальнего Востока России начали хлопотать перед церковным чиновничеством о возведении отца Амвросия Федотова в сан архиерея.

Итак, в жизни Амвросия Федотова наступил новый этап. Новопоставленный архиерей был принят с любовью и почтением всеми старообрядческими общинами епархии, как находившимися на территории России, так и оказавшимися в эмиграции на территории Китая.

Первыми его приветствовали харбинцы. В своем послании они ликovali: «Ваше преосвященство, Святой Владыка. Совет Харбинского старообрядческого прихода Свято-Петропавловского Храма получил сведение, что Вашему преосвященству поручено вступить в управление Иркутско-Амурской и Дальневосточной епархии, что нас, членов Харбинского Прихода, несказанно обрадовало, т. к. после смерти Преосвященного Иосифа мы себя чувствовали до сего времени круглыми сиротами. Много у нас было «пестунов», но не было отца, которого мы надеялись видеть и с нетерпением ждали. Разрешите Вас приветствовать со вступлением в обязанности нашего архипастыря и надеяться на скорейшее лицезреть Вас в пределах наших. Мы верим и надеемся, что Вы порученное Вам Освященным Собором примите с покорностью служителя Церкви и не замедлите нас обрадовать своим посланием... здесь, Владыка Святой, «жатва многа, а делателей мала».... Время дорого, медлить будет для нас великим горем, т. к. нива наша запустела, а во многих местах даже заросла сорными травами и чертополохом, нужны вы как опытный возделыватель и страж дому Божию» [8].

С избранием Амвросия Федотова епископом с. Тарбагатай Забайкалье превратилось в новый духовный центр огромной епархии. Духовная жизнь

стала налаживаться. Афанасий создает в своем доме воскресную школу, к нему начинают съезжаться верующие из отдаленных сел. В переписке с единоверцами он сообщал: «... на Пасхе организовал пятый приход в поселке Саратовка, от нас в 18 верстах по тракту в Верхне-Удинск. Поселок Ягодное Селенгинского аймака в 65 верстах, туда командирую своего уставщика Петра Агафоновича Федотова для отправления уставной службы. В Саратовке благословил уставщиком Федора Ильича Колесникова, еще в Бичуру благословил на должность уставщика Антипа Иудовича Луговского, в Куйтуне старый уставщик: Николай Павлович Шитин» [9].

Оживленную переписку вел Афанасий с преосвященным Тихоном (Сухановым), епископом Томским и Алтайским. Дружеские отношения сложились у него с виднейшим полемистом и начетчиком начала XX в. иереем Алексеем (в иночестве — Аввакумом) Старковым из Уфы, а также с настоятелем Града — Иркутской Покровской старообрядческой общины — Антоном Пучковым.

В 20-е гг. XX в. советская власть начала активное наступление на церковь. В связи с этим к владыке Афанасию приходили тревожные письма прихожан: «...Владыка, я весьма опечален ... жизни мало стало уже не то что душевной, но телесной, идет везде раскулачивание, ссылки, задают непосильные задания по работам и многое другое... церковная жизнь нерадостная, как уже известно, есть слухи, чтобы у нас в Доно (тогда Читинская область. — С. В.) отобрать обе церкви, нашу и никонианскую под культпросветучилище, но народ сильно за них радеет и стоит, так что пока этого сделать не удалось. По праздникам моления, молящихся в храме бывает много, все идет по милости Божией ничего, но нет духовного окормления, а наши бедненькие души сильно оскудели от духовного Глада...» [1, с. 44].

Новопоставленный владыка Афанасий неоднократно обращался к органам власти с прошением разрешить ему поездку по вверенной ему территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, мотивируя тем, что ему необходимо ознакомиться с жизнью священников и мирян, посмотреть на состояние храмов и молитвенных домов, в большинстве своем пострадавших во время затяжной гражданской войны. Разрешение на поездку по епархии владыка не получил и фактически оказался на положении домашнего ареста. Единственным способом окормления епархии осталась «молитва к чадам духовным» и переписка.

Однако общение с Харбином не прекратилось. Владыка Афанасий до своего ареста в 1937 г. органами НКВД продолжал переписку с Харбинским приходом. К нему теперь приходили письма из Харбина от известного человека того времени — старшего старообрядческого священника армии адмирала Деникина иерея Иоанна Кудрина, настоятеля Петропавловского храма, возглавлявшего издательство церковно-приходского совета старообрядческого прихода, и автора многих полемических изданий [12]. В период сложной политической обстановки он писал владыке: «...просматривая Ваше письмо, я вывел заключение, что мы здесь напрасно работаем, напрасно пишем «Уставы», напрасно организуем Епархиальный Совет, пишем постановления и протоколы, напрасно пользуемся пером и бумагой, т. к. это все человеческая

выдумка, ведь наши старообрядцы этого всего до сего времени не знали... у старообрядцев с давних пор существовал в Москве Духовный совет, у них был и Совет всероссийских съездов, и этот «Совет» издал массу брошюр и книг, председатель этого «Совета» П. П. Рябушинский издавал на свои гроши журнал «Церковь»... и все-таки все они до последнего момента не знали, что они делают не на пользу сегодняшней церкви. 15.09.1925 г.» [6]. Далее он писал: «... а относительно запроса Вашего о количестве душ в Харбинском приходе сообщаем: на 14 апреля 1932 г. по списку значится свыше 18 лет мужчин — 73, а женщин — 74, да детей около этого количества» [5].

Из-за отдаленности старообрядческих приходов друг от друга центры огромной Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии смещались. Резиденция старообрядческого епископа 1911–1919 гг. находилась в с. Бордагон (Амурская обл.). Уход части мирян и духовенства в эмиграцию привел к тому, что в 1930-х гг. у епархии образовалось два центра: в с. Тарбагатай Бурят-Монгольской Автономной Республики и в г. Харбин в Маньчжоу. Резиденция епископа Афанасия (Федотова), последнего главы епархии, располагалась в Тарбагатае, епархиальное управление с архивом, печатью, символами епископской власти — в Харбине.

Большая часть верующих была сосредоточена в Забайкалье, где в 1920-х гг. насчитывался 81 старообрядческий приход; староверы Амурской области и Дальнего Востока оказались оторванными от большинства общин, что создавало значительные трудности в управлении епархией. Поэтому одним из центральных вопросов, обсуждавшихся белокрыницкими старообрядцами в 1920-х гг., встал вопрос о разделении Иркутско-Амурской епархии на две самостоятельные: Иркутскую и Дальневосточную.

Епископ Афанасий управлял Иркутско-Амурской епархией до конца своей жизни. Во все время своего епископства, как и его духовный наставник, он пользовался несомненным авторитетом и безусловным уважением приходов. В документах архивного фонда — переписке и материалах съездов — он именуется не иначе, как «талантливый деятель», «трудолюбивый святитель», «великий труженик по созданию тела церковного», «уважаемый владыка» [2, с. 68]. Пастырские послания и другие письменные обращения Афанасия к верующим свидетельствуют о его неизменном, энергичном и неустанном попечении и пристальном внимании к делам приходов, стремлении искоренить недостатки в их деятельности. В середине 1930-х гг. были арестованы практически все священнослужители Иркутско-Амурской епархии на территории СССР. Епископ Афанасий (Федотов) был арестован в с. Тарбагатай 14 октября 1937 г. Через полгода, в марте 1938 г. владыка был осужден за контрреволюционную агитацию и пропаганду, а 18 апреля — расстрелян.

Епархия осталась без главы, храмы на советской территории были закрыты. В отличие от Байкальского региона и Дальнего Востока СССР в Харбине и других местах проживания старообрядцев на китайских землях еще продолжалась традиционная приходская жизнь, издавалась богослужебная и полемическая литература.

Таким образом, на основании анализа архивных документов мы можем утверждать, что старообрядцы на местах водворения создавали прочную не-

формальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. Они стихийно закладывали основу российской государственности, несмотря на антигосударственные настроения. И именно это обстоятельство наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей делало старообрядцев весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров трансасиатского пограничья.

Литература

1. Васильева С. В., Бураева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012. — 233 с.
2. Васильева С. В. Документы Национального архива Республики Бурятия о старообрядчестве в Харбине в 1920–1930-е гг. // Отечественные архивы. — 2010. — № 4. — С. 67–75.
3. ГАРБ. Ф. 478. Оп.1. Д. 3. Л. 5.
4. ГАРБ. Ф. 478. Оп.1. Д. 3. Л. 6.
5. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
6. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
7. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
8. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
9. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 204.
10. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5а. Л. 202.
11. ГАРБ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5а. Л. 445а.
12. Кудрин И. Г. Древняя Русь и старообрядчество. Заметки на брошюру миссионера о. А. Пономарева «Старообрядчество». — Харбин, 1929. — 44 с. *Его же*. О единоверии. Беседы новообрядческого священника со старообрядцами. — Харбин, 1930. — 38 с. *Его же*. Как святые отцы ушли от православной церкви. — Харбин, 1935. — 31 с. *Его же*. Голос старообрядца в защиту своих упований: (По поводу брошюры протоиерея Аристарха Пономарева «Об единоверии»). — Харбин: Изд-во церковно-приходского совета Старообрядческого прихода, 1939. — 173 с.
13. Преосвященный Иосиф. Епископ Иркутско-Амурский и всего Дальнего Востока. Жизнеописание и канон // Большой камень. — 2001. — 37 с.

УДК 2-76(798)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-38-45

**СВЯЩЕННИКИ Е. СТАРЦЕВ И В. МОДЕСТОВ:
МИССИЯ НА АЛЯСКЕ**

© Гунсема Сандаковна Митыпова

доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет

E-mail: gunsema53@mail.ru

Миссионерская деятельность Русской православной церкви является важной частью истории Российского государства. Возможность проследить ее источники и историю дает рассмотрение автобиографических сведений о священниках Байкальского региона. Автором рассматривается миссионерская деятельность русских священников на Аляске в период новой и новейшей истории как показатель преемственности исто-